

Фактор исторического времени в сравнении значимости воспитательной педагогики А.С. Макаренко и исправительной педагогики М.С. Погребинского*

М.В. Богуславский,

доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий лабораторией истории педагогики и образования ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», вице-президент Российской Макаренковской ассоциации, вице-президент Международной Макаренковской Ассоциации, Москва, Россия

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017–2019 годы (№ 27.8089.2017/БЧ) «Реализация потенциала историко-педагогических исследований в современном педагогическом образовании».

В статье в сравнительно-сопоставительном плане анализируются общие принципы воспитательной педагогики А.С. Макаренко и перевоспитательной педагогики М.С. Погребинского: добровольность пребывания в учреждении, оказание доверия, производительный труд на благо общего хозяйства, полная самостоятельность коммунаров в единстве с руководством учреждения и персоналом. Характеризуются принципы перевоспитательной педагогики, реализованные в Большевской коммуне: отсутствие охраны, вообще всяческого принуждения, добровольность нахождения; трудовая деятельность, предусматривающая получение квалификации; ответственность воспитанников за свои действия не перед администрацией, — а перед коллективом. Подвергается критическому анализу положение об уникальности педагогической деятельности А.С. Макаренко и тем более о её доминировании в конкретно-исторической ситуации развития советской педагогики данного периода. Обосновывается тезис о несомненном влиянии на жизнь и деятельность А.С. Макаренко и его учреждений как М.С. Погребинского, так и, особенно, деятельности Большевской коммуны.

• А.С. Макаренко • М.С. Погребинский • история педагогики и образования • социальная педагогика • социализация • методика коллективного воспитания

Сравнительно-сопоставительным изучение педагогической деятельности А.С. Макаренко и М.С. Погребинского уже было предметом ряда исследований [2–4;10]. По прошествии времени история взаимоотношения Большевской коммуны М.С. Погребинского с колонией им. М. Горького и коммуной им. Ф.Э. Дзержинского А.С. Макаренко представляется значительно многомернее, чем это трактовалось ранее. Причем не столько в ситуации того времени, когда эти воспитательные феномены действовали, а с позиции современной оценки, созданных в них педагогических систем.

Если обратиться к временному континууму 1920-х — 30-х годов, то можно заметить **своеобразную эстафету в деятельности этих знаменитых учреждений**. До весны 1937 г. деятельность Первой трудовой коммуны по воспитанию бывших правонарушителей ОГПУ СССР им Г.Г. Ягоды, как официально именовалась Болшевская трудовая коммуна, была символом наиболее продуктивной советской системы перевоспитания. Её слава была просто несоизмерима масштабнее скромной известности колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, которая появилась после публикации в середине 30-х гг. «Педагогической поэмы».

Это было обусловлено рядом взаимосвязанных факторов. Болшевская коммуна и Матвей Самойлович Погребинский стали широко известны, прежде всего, благодаря огромной популярности первого советского звукового фильма «Путевка в жизнь» (1931), ставшего победителем I Международного кинофестиваля в Венеции. В благодарной зрительской памяти навсегда запечатлелась белозубая улыбка человека в кубанке — Николая Баталова, сыгравшего главную роль Сергеева — руководителя трудовой коммуны бывших правонарушителей. Даже внешнее сходство было соблюдено: герой фильма, как и Матвей Самойлович, все время ходил в шапке-кубанке, у него даже прозвище была «Кубанка». Однако, Погребинский был не только прототипом, чей облик и характер лег в основу роли, но и соавтором сценария, написанного на основе его книги «Трудовая коммуна ОГПУ», опубликованной в 1928 г. под редакцией и с предисловием М. Горького.

12 июня 1935 г. в стране широко отмечался 10-летний юбилей коммуны в Болшево. К юбилею вышел на экраны документальный фильм о Болшевской коммуне «Возвращенные к жизни». Летом 1936 г под редакцией и с предис-

ловием М. Горького был опубликован сборник «Болшевцы. Очерки по истории Болшевской имени Г.Г. Ягода трудкоммуны НКВД», написанный в духе того времени бригадой из девятнадцати писателей. Широко были известны и педагогические произведения М.С. Погребинского, проникнутые пафосом перевоспитания: «Фабрика людей», а также повесть «Пашка Голодный».

Болшевская коммуна в первой половине 30-х годов являлась неременным пунктом маршрута экскурсий для иностранных гостей. Сам Бернард Шоу после её посещения восхищался этим грандиозным социальным экспериментом.

Ситуация кардинально меняется после 3 апреля 1937 г., когда был арестован Г. Ягода, а на следующий день, узнав об этом застрелился М.С. Погребинский, в то время начальник Горьковского областного управления НКВД СССР, комиссар госбезопасности 3 ранга (что соответствует званию генерал-полковника).

Осенью 1937 года в Болшевской коммуне начались массовые аресты и последующие расстрелы сотрудников и коммунаров. В течение трех дней арестовали и расстреляли более 400 членов трудовой коммуны, обвиненных в участии в террористической организации, якобы созданной Г.Г. Ягодой и М.С. Погребинским. Цель у этой псевдоорганизации была тривиальна: «смена руководства ВКП (б) и Советского Правительства. Террористические акты против руководства партии и правительства, в первую очередь Сталина, Ворошилова, Молотова, Жданова, Ежова» [8].

Разумеется, после этого на долгие десятилетия само упоминание Болшевской коммуны, как реально существовавшего исторического феномена, стало невозможным. Книги

М.С. Погребинского и публикации о коммуне изъяты из библиотек и заточены в спецхран, а в кинофильме «Путевка в жизнь» стерли всякую привязку к Болшево. Фильм должен был восприниматься как художественная история о вымышленной коммуне.

Все это было непосредственно связано с именем руководителя ОГПУ (Объединённого государственного политического управления при СНК СССР) — НКВД Генриха Ягоды, чье имя с 1933 года носила Болшевская коммуна. Показательный момент в 8-ми томном собрании сочинений А.С. Макаренко можно встретить только один лапидарный комментарий о том, что «изучение А.С.Макаренко опыта трудкоммун бывших правонарушителей им. ОГПУ № 1 в Болшеве сыграло важную роль в становлении и развитии коллектива колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского» [2]. Обратим внимание на характерный штрих, — даже во второй половине 80-х годов нельзя было упоминать крамольное имя Г. Ягоды в названии Болшевской коммуны, которое в результате по воле составителей получило гротескное псевдонимное название «имени ОГПУ».

Понятно, что с конца 1930-х годов, особенно после смерти А.С. Макаренко, в образовавшемся вакууме начинает по нарастающей все больше воздаваться по заслугам его воспитательной педагогике и деятельности колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. Здесь, конечно, огромное влияние оказали пленительные произведения Антона Семёновича «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях», а также снятые по ним талантливые фильмы.

Но в контексте того сурового времени более значимыми оказались политические обстоятельства. Так получилось, что из всей когорты «подвижников соцвоста» только А.С. Макаренко удалось

пройти «чистым» через репрессии 30-х годов. И, хотя сейчас мы хорошо знаем, что тень взятия под стражу в 1930-е годы непрерывно следовала за ним по пятам, и даже неоднократно выписывался ордер на его арест, но произошло то, что произошло. **Антон Семёнович умер на свободе и своей смертью; вполне заслуженным, уважаемым человеком и писателем-орденоносцем** [9].

Его же «товарищам по цеху», выразителям парадигмы трудовой школы — замечательным руководителям школ-коммун и трудовых колоний, которых немало действовало в 1920-е годы, повезло значительно меньше. Те немногие из них, кто пережил репрессии 30-х годов, оканчивали свой профессиональный и личностный путь в полном забвении и опале [6].

Без всех этих тяжелых исторических реминисценций невозможно адекватно оценить воспитательную педагогику А.С. Макаренко и исправительную педагогику М.С. Погребинского.

Матвей Самойлович Погребинский, работая в 1920-е годы начальником отдела ОГПУ в Москве непосредственно соприкоснулся с «прелестями» детской беспризорности и преступности. По поручению Ф.Э. Дзержинского в 1924 г. он создал в 27 км от Москвы в Болшево (ныне наукоград Королев) Первую трудовую коммуны ОГПУ, построенную на принципиально новых позициях. Проработав соответствующую литературу, и побывав в тюрьмах, Погребинский (которому в то время было 30 лет) — от природы незаурядный педагог — **выдвинул три принципа педагогики перевоспитания, на которых должна была строиться жизнь в Болшевской коммуне: отсутствие охраны, вообще всяческого принуждения, добровольность нахождения; трудовая деятельность, предусматривающая получение квалификации; от-**

ветственность воспитанников за свои действия не перед администрацией, — а перед коллективом.

Эти идеи дали ошеломляющий эффект. Хотя в коммуну поступали только несовершеннолетние преступники-рецидивисты, имевшие срок не менее трех лет, они, оказавшись без конвоя, не только никуда не убегали, а, наоборот, активно работали и «перековывались» просто на глазах.

В статье выдающегося германского макаренковед Г. Хиллига «А.С. Макаренко и Большевская коммуна» дается содержательная характеристика деятельности Большевской коммуны [10].

По мнению ученого, «как и у Макаренко, в основу деятельности Большевской коммуны были положены такие принципы, как добровольность пребывания в учреждении, оказание доверия, производительный труд на благо общего хозяйства, полная самодеятельность коммунаров в единстве с руководством учреждения и персоналом.

Высшим органом самоуправления и последней инстанцией коммуны было общее собрание её членов. Исполнительным органом служила «активная комиссия» из 5 человек. Существовали и другие комиссии, например, конфликтная. Заведующий не имел права провести то или иное мероприятие без утверждения его общим собранием.

В Большевской коммуне, как и в макаренковских учреждениях, случаи побегов воспитанников были достаточно редки, хотя ограждение и караул отсутствовали. Через несколько месяцев после открытия коммуны прекратились и кражи. Как и в макаренковской колонии им. М. Горького, ребятам вручались ключи от всех складов, каждый чувствовал себя хозяином своего учреждения. Нарушения общего порядка коммуны строго преследовались, для чего использовали разнообразные

санкции. Исключение из коммуны применяли как крайнюю меру. Данное наказание практиковалось и в «дзержинке» — иногда и в более строгой форме: «без денег, без вещей».

Большинство большевцев было в возрасте от 16 до 21 года. В первое время коммуна предназначалась лишь для юношей, но с начала 1927 года в ней появились и девушки. Срок пребывания в Болшево составлял 2–3 года, но многие оставались после его окончания и даже обзаводились семьями. Так *трудкоммуна — воспитательное учреждение, каким она была вначале, стала производственным предприятием с общежитием для малосемейных.*

Число коммунаров быстро увеличилось: с 18 (в 1924 г.) до 77 (1926 г.), затем 248 (1928 г.), 655 (1930 г.) и было доведено до 5000 человек (1936 г.). В коммуне был создан настоящий промышленный комплекс из трех фабрик — трикотажной, обувной (спортивная обувь) и коньковой. С течением времени коммуна превратилась в небольшое государство с собственными магазинами, яслями, школами, кинотеатром, стадионом, теннисными кортами, библиотекой, радиостанцией и больницей.

В январе 1930 г. для большевцев был открыт техникум с четырьмя отделениями, соответствующими специфике производства. В коммуне развивались активная кружковая деятельность. Действовали хор, драматический и литературный кружки, духовой и струнный оркестры, радиокружок и многие спортивные секции. Следует отметить, что струнный оркестр большевцев дважды занимал первые места на всесоюзных конкурсах» [10, с. 56–59]. Добавим к этому, что в 1936 г. по результатам первого чемпионата СССР по хоккею с шайбой команда Большевской коммуны заняла почетное второе место.

Все приведенные положения дают возможность сделать ряд выводов более

общего характера. Прежде всего, подчеркнем, что педагогическую деятельность А.С.Макаренко и М.С. Погребинского в конце 20-х — начале 30-х годов **нельзя рассматривать вне общей социально-политической перевоспитательной парадигмы советского государства того времени.**

1. Для советского мировоззрения была очень важна сама *идея возможности массовой и эффективной переделки человека, его пластичности и ковкости вне зависимости от психолого-физиологических и социальных особенностей личности.* В первую очередь эта установка была связана с уверенностью, что преступление — это социальная болезнь, продукт пагубной среды. В более широком смысле идея переделки человека являлась частью общей идеи преобразования мира — краеугольного камня советской политической программы.
2. *Труд в советских условиях являлся преобразующей силой,* поскольку он носил коллективный характер и вдохновлялся сознанием общей цели. Утверждалось, что при старом режиме труд «лишал сил и изматывал душу», а при социализме он наполнял жизнь смыслом.
3. В качестве ведущих «перевоспитательных факторов», наряду с трудом выступали *здоровый коллектив и харизматическая личность руководителя учреждения.*

Вместе с тем эта идеальная конструкция существенно трансформировалась тем обстоятельством, что доминаторами и демиургами такой «перековки человеческого сырья» в конце 20-х — начале 30-х годов выступали руководители и сотрудники ОГПУ. Для Генриха Григорьевича Ягоды идея перевоспитания заключенных в процессе созидательного труда была даже не ведущей, а выступала мейнстримом его профес-

сиональной деятельности. Причем сам предмет труда — достаточно бесполезные в народно — хозяйственном плане каналы — не имел решающего значения. Могли строить и пирамиды. Главное — это **массовое перевоспитание, перековка, переделка асоциального человеческого материала в процессе исключительно ручного, крайне тяжелого и очень длительного физического труда.**

На этом широком социально — политическом фоне предпримем попытку сравнительно — сопоставительного анализа деятельности А.С. Макаренко и М.С. Погребинского. Действительно, несомненно, наличие многих общих черт у этих двух талантливых педагогов. Глубоко символично, что возглавляемые ими коммуны носили имена главных чекистов страны — у А.С. Макаренко была коммуна имени Ф.Э. Дзержинского, а у М.С. Погребинского — имени Г.Г. Ягоды. Несомненно, что деятельности этих учреждений были присущи общие мировоззренческие принципы, как выразился Антон Семенович, «наша философия человека и пролетарский гуманизм» [3].

Оба написали книги о своей деятельности. Наиболее известны, как уже отмечалось, «Педагогическая поэма» А.С. Макаренко и «Фабрика людей», а также повесть «Пашка Голодный» М.С. Погребинского. В данной связи подчеркнем, что тема переделки человека в процессе созидательного коллективного труда во второй половине 20-х — первой половине 1930-х гг. вообще пользовалась признанием в самых разных контекстах.

Но наиболее популярными были романы, повести, рассказы о переделке или «перековке» уголовников и малолетних правонарушителей с помощью труда и включения в рабочий коллектив. Газеты пестрели подобными историями чудесного исправления закорене-

лых преступников, их интенсивно распространяли не только в отечественной, но и среди зарубежной аудитории. Типичный герой таких произведений в прежней жизни обычно был отщепенцем — закоренелым преступником, малолетним правонарушителем или даже сыном ссыльного кулака, пытающимся начать новую жизнь в ссылке. Новый советский человек рождался в этих историях, сбрасывая с себя всю грязь и пороки прежней жизни.

В этом плане «Педагогическая поэма» классическое произведение данного социально востребованного жанра. В ней изображен типичный процесс преобразования юных правонарушителей, которые попадают в колонию не по своей воле и поначалу не желают подчиняться её правилам, но затем под давлением коллектива отрекаются от прошлой жизни и становятся настоящими членами коммуны. Там есть харизматический лидер, прототипом которого послужил сам Макаренко, но он остается на заднем плане. Именно коллектив борется со своими заблудшими овцами и, в конце концов, добивается их преобразования.

Хорошо известно, как любовно и уважительно относились коммунары к Макаренко. Однако и по отношению к Погребинскому можно сделать такой же вывод. Как вспоминал сын Погребинского Нинел Матвеевич «коммунары любили моего отца. Были частыми гостями в нашем доме, и мы — я, сестра и наша мама — видели в них своих друзей. Самые лучшие воспоминания остались у меня о годах детства, связанных с Болшевской коммуной» [8].

Бывший начальник финчасти коммуны П.П. Полетаев в своих воспоминаниях нарисовал сакральный образ Погребинского: «Матвей Погребинский был *душой* трудкоммуны, *«родным отцом»* для коммунаров. Коммунары его не только уважали. *А прямо*

таки боготворили. Это было видно при встречах, когда коммунары говорили с ним о своих чувствах и переживаниях как с родным человеком. Ездили к нему поделиться своими мыслями. Никому они не доверяли так, как ему. *Верили безоглядно»* [8].

Вместе с тем несомненны и существенные различия как в личностях А.С. Макаренко и М.С. Погребинского, так и в деятельности их коммун. Если говорить об учреждениях, то, безусловно, Болшевская коммуна, *исторически предшествующая, а в педагогической перспективе действительно как бы последующая ступень по отношению к коммуне им. Дзержинского*. Это проявлялось во всем: и в количестве воспитанников, и в уровне и объеме производства, и в инфраструктуре комплексов. По этим показателям Болшевская коммуна минимум в десять раз по масштабу превосходила «дзержинцев».

Несомненны и другие отличия. Если воспитанниками Антона Семёновича являлись подростки, то в Болшевской коммуне «перековку» проходили молодые люди от 16 до 21 года, многие из которых в Болшево обзаводились семьями. Воспитанниками Макаренко во второй половине 20-х годов в массе своей были беспризорники, не совершившие вообще никаких правонарушений, или же свершившие малозначительные правонарушения — «кражи в пансионе», а то и вообще задержанные за надуманный «шпионаж в пользу повстанческих отрядов» (носили хлеб в лес отцу и братьям).

Контингент же Болшевской коммуны в конце 1920-х — 30-е годы составляли бывшие профессиональные преступники, матерые рецидивисты, имевшие за плечами многолетний успешный опыт преступной деятельности.

Однако для нас не это представляется основным в предпринятом сравнительно — сопоставительном ана-

лизе деятельности А.С. Макаренко и М.С. Погребинского. Главный интерес представляет сравнение их как педагогов и оценка того вклада, который они внесли в педагогическую науку. Оба они, несомненно, были яркими харизматиками, педагогическими самородками и подвижниками, имевшими постоянный пропуск в Мир Детства. Но калибр их творчества несопоставим. Здесь А.С. Макаренко выигрывает просто за явным преимуществом. Книги М.С. Погребинского несут на себе явную печать дилетантизма, а «Педагогическая поэма» и сейчас читается на одном дыхании.

Несоизмерим и их вклад в педагогику. Главным достижением М.С. Погребинского является создание и апробация продуктивной, но не оригинальной модели перевоспитания. А.С. Макаренко **создал оригинальное и значимое направление в воспитании — «педагогику отношений»**. Ему в сложнейших материальных, да и социально-политических условиях удалось реализовать многие продуктивные педагогические идеи и технологии, талантливо их инструментировать и адаптировать как к реалиям жизни Советской России 20-х — начала 30-х годов, так и к специфическим особенностям малолетних правонарушителей, «морально-дефективных», с которыми, преимущественно и работал А.С. Макаренко. Авторскими являются многие конкретные методики, придуманные им. Среди них: метод «создания событий» (воспитательных ситуаций), «педагогика взрыва», «завтрашняя радость», классический «метод параллельного действия» и многое другое.

В целом **вклад, внесенный А.С. Макаренко в мировую и отечественную педагогику, бесспорно уникален.**

Литература

1. *Александрова В.Г. Богуславский М.В.* Новые рубежи педагогической реальности: аксиология, духовность, гуманизм — М.: МГПУ, 2007. — 311 с.
2. *Богуславский М.В.* А.С.Макаренко и М.С. Погребинский: переплетение судеб и систем // Макаренко. Альманах. — 2009. — № 2. — С. 54–66.
3. *Богуславский М.В.* А.С.Макаренко и М.С. Погребинский: сравнительная характеристика жизни и деятельности // Вопросы воспитания. — 2011. — № 1(6). — С. 108–124.
4. *Богуславский М.В.* А.С. Макаренко и М.С. Погребинский: сравнительный анализ жизни и деятельности в контексте времени // Историко-педагогический альманах ВЛАДИ: научно-образовательный журнал. — 2010. — № 1. — С. 127–147.
5. *Богуславский М.В.* Развитие общего образования: проблемы и решения (Из истории отечественной педагогики 20-х годов XX века). — М.: ИТПиМИО, 1994. — 182 с.
6. *Богуславский М.В., Корнетов Б.Г.* Научно-педагогические парадигмы: история и современность // Современные проблемы истории образования и педагогической науки. — Т. 1. — М.: ИТПиМИО, 1994. — С. 113–137.
7. *Богуславский М.В., Куликова С.В., Романов А.А.* Формирование и деятельность учителя: исторический опыт передачи образованности и культуры // Психолого-педагогический поиск. — 2016. — № 3 — С. 15–27.
8. *Гладыш С.* Дети большой беды. М.: 2004.
9. *Безрогов В.Г., Блинов В.И. Богуславский М.В. Джурицкий А.Н., Князев Е.А.* История педагогики. Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. — М.: Гардарики, 2007. — 413 с. Серия история и философии науки.
10. *Хиллиг Г.* А.С. Макаренко и Болшевская коммуна // Постметодика. — 2001. — № 2 — С. 55–62.